

21-5074. I

26254

ВАДИМ ШЕРШЕНЕВИЧ

~~12. II.~~

~~10626.~~

ИТАК ИТОГ

1929

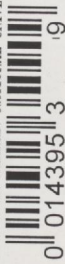
330⁺

МОСКВА

1926

ЦЕНА 75 КОП.

V.N. KARAZIN KHARKIV NATIONAL UNIVERSITY

01439513

'9

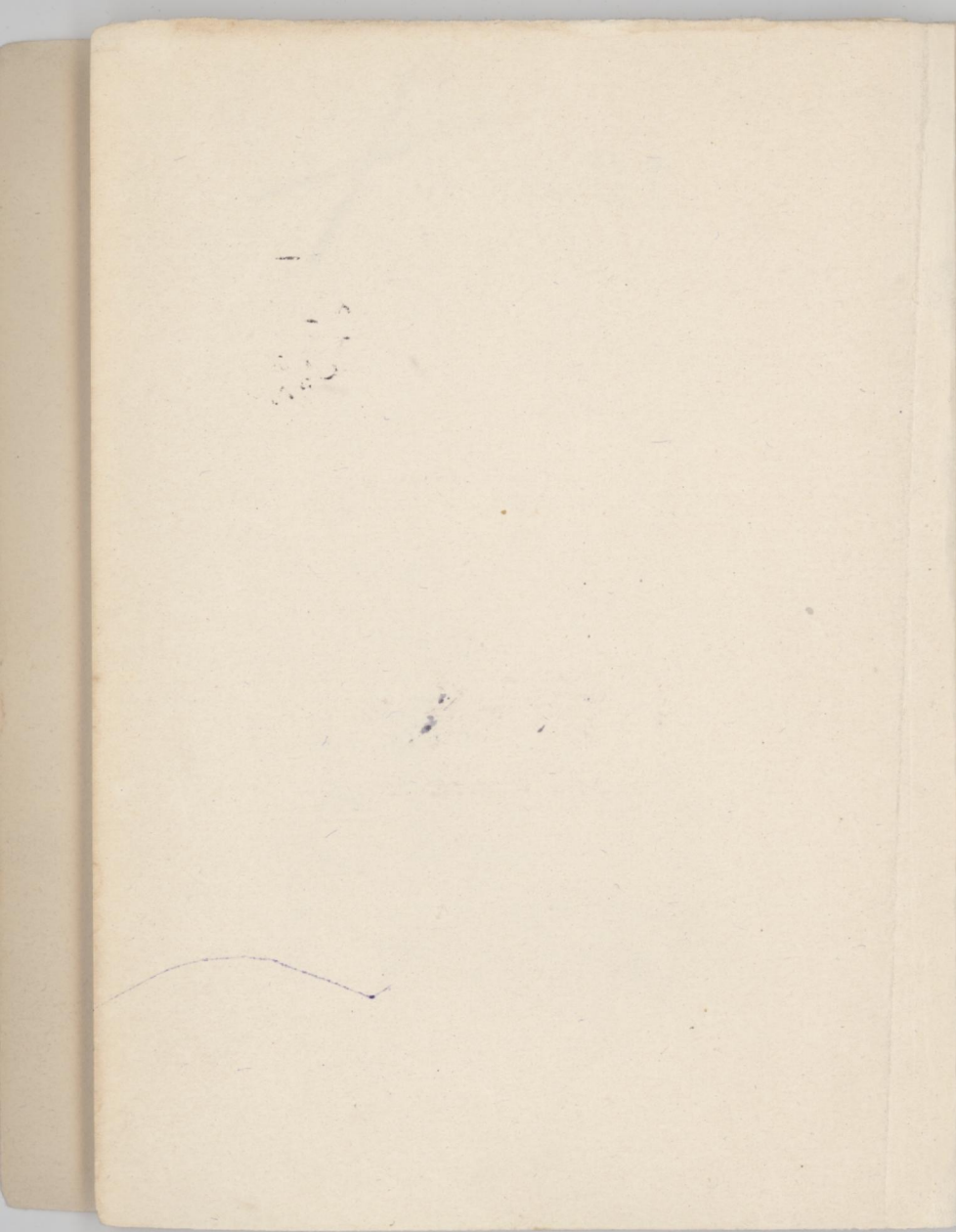
PK-1

1924

~~1924~~
~~1924~~

ЦЕНТРАЛЬНА
НАУКОВО-УМБОВА
БІБЛІОТЕКА.

ПРОВЕРЕНО
ЧНБ 1943

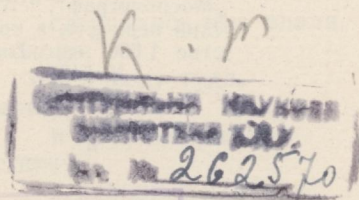

Ш-507- и.т.

ВАДИМ ШЕРШЕНЕВИЧ

~~12.11.
10626~~

И Т А К И Т О Г

ЦЕНТРАЛЬНА
= НАУКОВО-УЧЕБОВА =
БІБЛІОТЕКА.

1929
330^x

ИЗДАНИЕ АВТОРА
МОСКВА 1926

Настоящее издание отпечатано в 4 й типографии
„Мосполиграф“, Армянский пер., д. 6, в количестве 1.000 экз. Главлит
№ 54746.

Звали меня дороги,
полю
и закат в пыли,
Звуки трубы походной
слышались мне вдаль.
Я думал — вырасту скоро
и я уеду туда,
Где красная кавалерия
и красные поезда.
Я примерял гимнастерку
и кожаные ремни,
(Реликвией в нашем доме
хранились давно они)
Как высшая доблесть рода —
шахтерам, мастеровым,
Как память былых походов,
завещанная живым.
Но встал на пути сосед мой в буденовке со звездой,
Дважды, по слухам, расстрелянный
в двадцатом году зимой.

Бинтованный,
вшами изъеденный,
вернувшийся вновь в Донбасс.

...Сабли сданы в музеи.
Шрамы остались при нас.
Метель завела шарманку.

Голод.

И даже у цеха ребра до ужаса обнажены.
Сказал мне сосед:

— Послушай, пора тебе на завод!
Жизнь начинается заново,
видишь, валит народ.
Взять бы листки тетради —
скленть для стенгазет,
Хоть сдохни — нету бумаги
и перьев в конторке нет.
И слово тогда к рабочим
я нес на своих устах,
И мелом писал заметки
на ржавых
гнутых листах.

Мы в перерыве в конторке
мечтали про сахарок,
Из фляг паровозный пили
продымленный кипяток.

Но трудные годы прошли мы:
Какие домны зажгли!
Какие сады взрастили
и здания возвели!

Весь мир, громыхающий молотом,
в зареве от печей
Пахнул мне в лицо с рассветом
и участью стал моей.

И снова гудков, как прежде,
слышится перегуд.

Я провожаю у будок,
На стрелках и на пути,
Тяжелые локомотивы
со звездами на груди.

КАРТОШКА

Не раз я песню запевал
Былого поколения:
«Тот, кто картошки не едал,
Не знает наслажденья!».

Она дымилась в чугуне
На поле за копнами,
Напоминая юность мне
Пропахшую кострами.

И мы садились в круг тесней,
И с давних пор так стало:
Поешь — работа веселей,
И нипочем усталость...

Она — еда для городов
И для далеких весей.
Я в подтвержденье взять готов
Рабочих всех профессий,

Домохозяек и бойцов,
И дым походной кухни,
И все костры среди лесов,
Пускай они потухли!

Ее бросали мы в золу,
Искрящуюся зноем,
И подавали не к столу —
Катали по ладоням.

Пышна, рассыпчата, вкусна,
Она хрустела коркой,
Аж вышибала пот она
Под каждой гимнастеркой.

Она в борщах, она в супах,
Она порой — окрошка.
Она на свадебных пирах —
Могучая картошка.

Ей славу воздадим сполна,
Окажем честь без лести,
Она в любые времена
Всегда на первом месте!

* * *

Торжествен на земле моей покой,
И славен хлеб в дому моем богатом.
Идут года, но в памяти скупой
Красногвардеец на коньке мохнатом.

Не саблю он, косу точил с утра,
Звенела сталь, весь день шумела нива,
А голод злей, и кончилась махра,
И вечер опустил торопливо.

Вокруг ветра, как голоса ребят,
Что лебеду поели с огорода.
Сказал красногвардеец про себя:
— Еще далеко солнцу до захода.

И развернулась молодая стать,
И расходилась молодая сила,
Пошла коса косить, как бы писать,
Как приговор свой горю выводила.

И я привык встречать в труде зарю,
И прочь гоню усталость год от года.
Как тот красногвардеец, говорю:
— Еще далеко солнцу до захода.

ЗЕМЛЯ ДОНЕЦКАЯ

Ты петая, ты битая, ты жженная,
Ты все, чем стать,
 чем быть земле положено,
Любовью нашей,
 кровью сбереженная,
Всей нашей жизнью
 жизнь твоя продолжена.
Неслись кавалерийские дивизии,
Бойцы в поту,
 бойцы, от пыли рыжие,
И сабель блеск,
 и всплеск,
 и свист,
 и пение,
Из-под копыт
 земля швырялась
 пеною,
Всей яростью,
 всей грустью
 расставания.
И гул яснее был
 иль был он
 глуше ли,

Как перестук сердец,
на расстоянии
Копытный стук, припав к земле,
мы жадно слушали.
О, по тебе прошли в боях, бывалые,
Неся на шлемах звезды пятипалые,
Бойцы Луганска,
Юзовки,
Царицына,
И гул катился до степей Галиции.
Угрюмую,
суровую и властную,
С деревьями могучими и хилыми,
Люблю тебя до слез...
С звездой красною,
Встающею над братскими могилами.

МОЙ ДОМ

На века, видно, скроен мой дом,
Он не сдался пожарам и грозам.
Сколько здесь у него под окном
Прогремело военных обозов.

Все углы у него хороши,
Печь в нем русская — дух сосновый!
Тесто вдвинешь... не вороши,
Вынимай каравай готовый.

А сложил ее мастер тот,
Что с винтовкой шел до Урала.
Хлеб свой первый сынам на фронт
Революция выпекала.

КАМЕННЫЙ БРОД

1

Опять я слышу: «Позабудь, что было,
На прошлом не тупи резца».
Но кровь моя такая в жилах,
Как у буденновца-отца.

И в паспорте рожденья дата,
Идущая от трудных дней.
И я несу в себе раскаты
Боев
и грохот площадей.

2

Каменнобродские каменные
Беленькие дома,
Ветры шумят окраинные,
Тучи несут грома.

Клен на дорогу клонится,
Дождь зачастил такой,
Как будто все сабли конница
Выметнула над собой.

3

Все пережитое — в сердце,
Вели ему не вели!
Как в детстве готов разреветься,
Увидев в степи ковыли.

Там с босоногой братвою
Мы в бой на шкуровцев шли,
Там пацанов наших двое
Пали на ковыли.

Дышат ветры донбасские,
Бегут ковыли к ногам.
В молчанье могила братская —
Древний степной курган.

Чуть в сердце тоска уляжется,
Но небо пальнет грозой,
И вновь беспокойному кажется:
У Острой могилы бой.

4

Пусть домики твои старые
Потрескались от жары,
Окна — глаза усталые,
Как прежде, глядят с горы.

Какие в них видел зори я,
И пламя до облаков?
Сама здесь живет история
Моих земляков.

* * *

Мне говорить и петь о прошлых днях,
Что из ручья в жару воды напиться.
Но не считайте, годы, вы меня,
Что я у вас, как пойманная птица.

Вы — солнце, созидание труда,
Ваш взлет в сердцах и бег в ушах раскатом...
Вы, как орлы, далекие года,
А мы от вас летящие орлята.

И светятся нам дали кумачем,
И я на нем грядущее читаю,
И в трудный час, как в жажду над ручьем,
К нему склоняюсь, вновь крылья распрямляю.

ЦВЕТЫ

Вы в Каменном Броде, может быть, знали
Сталелитейщика-старика,
С детства влюбленного в плавку стали
И в запах домашнего цветника.

Еще мороз и острый и пылкий,
И выюга лесничим бродит в лесах,
То рубит, то пилит, и выются опилки,
И месяц завьюженный тонет в снегах.

А он, улыбаясь всхожести ранней,
Благоговел перед счастьем своим.
Оно улыбалось ему сияньем,
На тонких ножках встав перед ним.

А летом мигало, как искорки стали,
И стлало радугу по садам,
И девушки к праздникам вышивали
Цветы на рубахах своим женихам.

Вы, может, работали с ним на заводе?
Где ты сегодня, мой друг Илья?
Такие цветы, как в Каменном Броде,
Я видел, цветут у стены Кремля.

* * *

Луганка — речка старая
Мелка да холодна,
В огнях мартена ярого
До дна всегда видна.

Мелка! А стать бы полною.
Не о судьбе ль твоей
Ночной порою с волнами
Гуторил соловей?

И ветер — хватка быстрая —
Обшарил небеса,
Собрал туман и выструил
На речке паруса.

И я твою судьбу постиг,
И мне казалось в ночь:
К Донцу бежала в лунности
Его меньшая дочь.

А где-то за курганами
Плескал от счастья Дон,
Он парусами алыми
Послал тебе поклон.

И поднимались пристани
У самого жилья.
И, всматриваясь пристально,
Искал я соловья.

До самого до Сватова
Все ночи напролет
Он трели перекатывал
Над перекатом вод.

* * *

Совсем незаметны донецкие горы,
Но каждой горы я запомнил название:
Бесстрашная,

Грозная,

Красные Зори,

Гора Незабудка,

Гора Партизанья...

И я в географии рыться не буду,
Там гор этих маленьких нет и в помине:
Им дали названия железные люди,
Когда оглашались сраженьем долины.
С Памиром, с Кавказом я вовсе не в ссоре,
Люблю высоте удивляться их птичьей,
Но кажутся ниже великие горы
Пред этим, почти человечьим, величьем.

* * *

У же светлее краснотал,
Заря встает, в окошке плавясь,
А ветер словно запоздал,
Бежит по саду,
задыхаясь.

Он должен улицы продуть
И сонное прорвать затишье,
Роса тяжелая, как ртуть,
Стекает по железным крышам.
Дома сверкают чистотой,
Их контур стал

живей и строже.
Весь город свежестью степной
Насквозь пропах и в солнце ожил.
Флажок трепещет над копром,
В забой спускаются шахтеры,
А в небе — самолета гром.
Так утро в наш приходит город.

ДОСКА ПОЧЕТА

Горит звезда с утра и до утра,
И далеко видна доска Почета,
На ней ученики и мастера.
Как я люблю смотреть на эти фото!

Всегда уверен у рабочих взгляд,
Хоть станет труд и трижды напряженным.
За каждой фотографией стоят
Незримо здесь и матери и жены.

Я знаю их, они с зарей встают,
И в дружбе и в работе неспесивы,
И сварят, постирают и пошьют,
По-русски величавы и красивы.

Не потому ль в печах сильней огни?
И выше труд и помыслов свершенье?
Нет на доске их фото, но они
Имеют к ней прямое отношенье.

ЧАСЫ

От меня судьбы не пряча,
Совершают стрелки круг.
Стук часов — как всадник, скачет,
«Стук-стук-стук» — копытный стук.

И шумят поля хлебами,
Богатеют города.
Ходят спутники над нами —
Звезды нашего труда.

Вот и кажется порою,
Что и днем, и в ночь во мгле,
Подняв знамя над собою,
Скачет всадник по земле.

БЫЛЬ СО СКАЗКОЮ

Плещут лебеди в реке,
Ветер брызжет ряскою.
Ой, в днепровском городке
Ходит быль со сказкою.

Будто на дворец давно
Солнцу ордер выдали,
В нем ночами спит оно.
Видели?

Не видели?

А на куполе — дары,
Синька дальней дали,
Неба синьку маляры
Кистями достали.

И увидел небосвод
Мастеров работу
И на купол звезд с высот
Высыпал без счету.

Ой, с волной шумят ветра,
Лебеди купаются.
Где проходят мастера,
Сказка продолжается.

Как в море окунулся —
голубой.

Деталь к детали, собранные в сроки,
Ты на прощанье помаши рукой,
Скажи ему:

«Беги в простор широкий!»
Пары, что кровь, в нем бродят горячи!
Свисает дым седыми завитками.
И мы его в торжественной ночи
Последний раз ласкаем молотками.
В путевку впишут:

«Паровоз здоров!»
И наша воля, сила и стремленье,
Движеньем став,
уйдут в разгул ветров,
И отзовутся в голосистом пенье.

И где шлагбаумы и блок-посты,
Там стрелочница в золотом загаре,
Обветренная, добрые цветы
И добрый взгляд ему в пути подарит.
Пусть город лег в тумане за рекой,
И ночь идет вся в звездах,

как в монастых:
Припомнит слесарь паровоз родной,

И мастер ночью вспомнит машиниста.
Мальчишкам будет сниться паровоз:
Леса,

овраги,

города,

заставы.

Как мы ведем в просторах гулких верст,
Там им водить донецкие составы.

* * *

День отошел, как облако, растаял,
На мягких лапах бродит тишина,
И вот встает потертая, простая,
Поэтами запетая луна.

И кто-то, вновь ее плененный светом,
Грустит о ней и тянется к лучу.
А мне она — рабочая планета,
И я туда, ей-богу, полечу.

* * *

Ты говоришь: закаты
На море лишь красивы —
То море станет красным,
То розовым, то синим...
А я закат увидел,
Он лился над Донбассом.
...Груженные составы...
Гудки гудели басом...
Дымила степь в курганах,
Свистела степь ветрами,
И вдруг она зарделась
И брызнула цветами.
Она светила розой,
Тюльпаном и фиалкой,
И девочка смеялась,
Взбивая пыль скакалкой.
И стали золотыми
Дороги и поселки,
И женщина, как сказка,
Стояла на пригорке.
Чуть ведрами гремела
И словно замечала:
Не воду из колонки,
А радугу качала.

В СТЕПИ

Вы, может быть, в степи бывали,
Где дымом пахли васильки.
Где в час полночный не стихали
Сверчки, как сцепщиков свистки,

И где громов веселый гомон
Катился степью на Ростов,
Как перестук в пути вагонов
Тяжелогрузных поездов.

Меня ночная степь встречала
Далекой станцией моей,
Там Млечный Путь берет начало
От станционных фонарей.

* * *

Э то ты? Неужели ты — море?
Ну, а мне показалось сейчас,
Что не пена, а дым на просторе,
Что гудит и грохочет Донбасс.

Будто снова я в цехе прокатном,
Где и льют и катают листы.
Эшелоны ли в вихре раскатном
Через гулкие мчатся мосты?

Здравствуй, море, веселый мой друже,
Пусть нам чайки о встрече кричат!
Сколько мне навязало ты кружев,
Хоть бери для донецких девчат.

* * *

Мне говорил когда-то
Мой работяга дед,
Что ничего на свете
Вкуснее корки нет:

«В ней запах нив широких,
И пусть она черна,
Ты знай, муку мололи
Из чистого зерна.

Кто любит только мякишек,
Тому и труд не люб.
От корки станешь статным,
И черным будет чуб».

И часто мне говаривал
Над дымным казанком:
«Расти большим и дюжим,
И храбрым казаком»...

Давно он спит в могиле
Среди родных полей,
Но старая погудка
Живет в семье моей.

Ее твержу я сыну,
Чтоб был он смел и прям,
Чтоб знал он цену пахарям
И цену пекарям.

* * *

Влетают в сумрак поезда,
Дымок ползет по мокрым шпалам.
Горит далекая звезда,
Сверкая кончиком кинжала.

То вновь уйдет она в туман,
То вновь оттуда выйти хочет,
Как-будто там, у марсиан,
Несет фонарь путеобходчик.

* * *

От песен в глазах ненасытное счастье,
Душа и светлей и добрей.
И все же приходит все чаще и чаще
Сомненье тревожное к ней,

Что вдруг изменил я моей неизменной
Рабочей привычке давно —
Вставать, как бывало, с рабочею сменой,
В рассвет распахнувши окно.

И голос заслышав гудка,
я к тетрадке
Спешу, как к родному станку,
И даже мой сын, в подражание батьке,
В детсадик встает по гудку.

* * *

На клубной сцене полутемно.
От света свечей
Косматые тени.

А в настезь
Распахнутое окно
Из парка wpłyвает
Запах сирени.

Как в млечном тумане,
В цвету сады,
Поют соловьи
Про любовную верность,

А с неба струится
Отблеск звезды.
И только на сцене
Слепая ревность.

Шепчу я соседу:
— Отелло — наш друг,
Сборщик станков Сергей Горяница.

А как Дездемона
Ведет игру!
Груня — ремесленница-выпускница!

Он в жизни верен ей до конца.
Скорей среди лета
Сады увянут,
Скорей обмельчают воды Донца,
Чем ложь
И наветы его обманут.

Но здесь — представленье!
Он должен сейчас,
Обманутый Яго,
Убить Дездемону.

Неотвратимый близится час.
Плачут свечи
В углу полутемном.

А в зале
Безмолвная тишина.
Чтоб жизнь Дездемоне
Продлить на мгновенье,
На сцену врывается ветром весна,
Ей дышит в лицо,
Осыпает цветеньем.

Но уже и уже смертельный круг,
Ревнивый Отелло бледнеет от муки,
Он делает шаг...
И теряется вдруг:
— Груня!
И нежно целует ей руки.

И зал гудит, как морской прибой,—
Плещется
Радостью неугомонной.
Прости нас, Шекспир!
Донецкой весной
Впервые была
Спасена Дездемона.

* * *

День каждый и вечер каждый
Я встречи с тобою жду,
Увидев мельком однажды
Тебя в заводском саду.

И сердце с тех пор все чаще
Глухо стучит и ждет,
Что будто листвою летящей
Платье твое мелькнет.

Но тихо. И неизменны
Деревья, аллея, трава...
Так кто же ты,— облако пены?
Пролитая синева?

Солнце с ветром, с листвою?
Было ли это во сне?
Иль вправду я был с тобою?
Иль снилась ты только мне?

Как встретить тебя, я знаю...
Вот если сейчас захочу,
То в ветер шальной растаю,
То облачком полечу.

А облако станет тучей,
И крикну: «Я дождь, я дождь!»
От встречи тогда неминуей
Ты никуда не уйдешь.

РАДУГА

Летел, сверкая, дождик,
И майский первый гром
Вбивал его, как гвозди,
В дороги, в каждый дом.

И над Донцом-рекою
Вдруг радуга взошла,
Сверкающей рукою
Полнеба обняла.

И словно рад подарку,
Обмытый до колес,
Под радужную арку
Проехал паровоз.

ВЕЧЕРОМ

Белобрысый малыш плачет, требует солнца,
От обиды у рта чуть морщинка легла.
А закат все темней, не сверкает, не льется,
Из подъездов на улицы выползла мгла.

Мать не в силах унять, говорит: «Помогите»,
Обращается с робкой улыбкой ко мне,
А мальчонка твердит: «К солнцу, к солнцу пустите...»
Ищет зеркальцем луч, промелькнувший в окне.

Я мальчонку беру, я его поднимаю,
Глажу ежик колючий, несу на кровать,
Сказки, в детстве рассказанные, вспоминаю,
Только нету такой, чтобы солнце догнать.

И тогда говорю:— За моря-океаны
Укатилось оно и присело в лесу,
И в лучах засияли цветы и бананы,
Скачут звери, и листья роняют росу.

Мы догоним его, мы помчимся по странам...
И уже повернулся малыш на бочок,

Улыбнулся во сне, и за старым диваном
Что-то пел до утра ему добрый сверчок.

В окна лился рассвет. Сели птицы на крыши.
Зарумянилось яблоко на весу.
Ветер пел, будто солнце малыш белобрысы
Повстречал на полянке в далеком лесу.

* * *

Проснувшийся
 прислушивался город:
Вестей приносит утро полный короб —
Про звездные ракеты
 и про атом,
Про «Славу», что
 пересекла экватор...
Про степь, где урожайность высока,
И про надой рекордный молока.
И радостны газеты и плакаты!
Гудит завод,
 гудит металл в прокате.
Жар от печей, станков круговращенье,
Вот мастер вал стальной в станке зажал.
И показалось сразу на мгновение —
Земной послушно закружился шар.
И впрямь — в его руках
 судьба большая:
Пройди ты в страны,
 что лежат вдали —
Где падал скот, в пути изнемогая,
Плывут его стальные корабли.

...К заборам никнет темень

тенью ветхой,

И утро машет мне росистой веткой,

Рассвет такой — хоть пей: прозрачный,

свежий.

И ветер на мосту уже

дневалит,

И у Днепра, на правом побережье,

Подсолнух, как мальчишка,

мне кивает.

ГРОЗА

Гроза от Дона шла, гроза гремела издали,
Гроза бросала ветры на леса.
В поверья дед уверовавший исстари
Сказал мне:— В наказание гроза.

Ой, быть беде. Ракетами воздушными
Зазря встревожен тихий небосвод,
А были б мы, как в старину, послушными,
Растили б хлеб да продолжали род...—

Он библию держал и перелистывал,
Нахмурившийся, маленький, седой.
И вдруг ударил молодо, неистово,
Чуть рябоватый, звонкий, проливной.

Запели крыши, трубы, подоконники,
И требуя еще, еще воды,
Расправились и распрямились донники,
И дрогнули от свежести сады.

И кто-то крикнул: — Посмотрите, радуга!
Она цвела, сверкала над листвою.
Сквозь тучи солнце пробивалось, радуя
Бредущих по бурлящей мостовой.

ГНЕЗДО

Опять заря пошла ручьи плескать,
И отозвался жаворонок где-то.
Мне жаль тех птиц, которым не летать,
Не пить росы,
Не слать заре привета.

Мне видится булыжная стена,
Когда-то в детстве
В ней нашел гнездо я,—
Была, я помню, птичка смущена,
Уйти просила,
Все ждала покоя.

А я, весь день гуляя за Донцом,
Поднял яйцо в траве у краснотала,
И в то гнездо
Я положил яйцо,
Чтоб жизнь еще одна затрепетала.

И как был рад я случаю тому,
Ждал времени,
Когда, рассвет встречая,
Вдруг на лугу, в ромашковом дыму,

Свой пересвист рассыплет птичья стая.
Потом к гнезду
Я вновь пришел с зарей,—
Птенцы лежали неподвижной горкой,
И через них,
Сверкая чешуей,
Змееныш полз
И всматривался зорко.

Он промелькнул среди булыжных груд,
И мне осталось памятным уроком,
Что змеи яйца пестрые кладут,
Их примешь ты за птички ненароком...

Вот так порой нам трудно различить
Под скорлупой, похожею на птичью,
Умеющее жалить и скользить
Змеинное, коварное обличье!

* * *

Ты поставила в комнате клетку с чижом,
Чтоб звенел он о счастье чужом.

Освеженным грозой чуть притихшим садам
Очень нужен был песенник там.

И тогда распахнул я твою западню
И вернул его синему дню.

Ты украла чижа для себя, для одной,
У небес, у природы родной.

ВАНЬКА ЖУКОВ

И ночь темна, и в наледи окно,
Гудит метель,
Кружит несметным роем,
Как будто ей, что было так давно,
Припомнилось январскою порою:

В каминах жар.
Потрескивание дров.
И благодущье на господских лицах.
Рождественский трезвон колоколов.
Полузамерзший бородач-возница.

Метель и ночь.
Мальчишка налегке,
Опередив бегущую карету,
Зажал письмо в костлявом кулаке,
Письмо, где адрес:
«На деревню деду».

Он весь в мечте —
Не холодно ему.
Да что мороз! —
Хозяин злей... сердитый...
А он, совсем не нужный никому,
Морозу даже — битый и забытый.

Снег в волосах
И на рубахе снег,
Хибарки потускневшие, косые,
Снег, снег и снег,
Чужой скупой ночлег,
Заснеженная нищая Россия...

Но то письмо, оно попало к нам,
Мы, как свою судьбу, его носили,
И плакали,
Читая по складам,
И Октябрю в семнадцатом вручили.

Мы будто взяли за руку тебя
И повели под красные знамена,
И наша правда, трубами трубя,
В твои глаза глядела непреклонно.

...Летят снега.
Заря горит в реке.
Январский ветер где-то зааукал.
Идет мальчишка с книжками в руке
Такой, как ты,
Далекий
Ванька Жуков.

* * *

Глаза закрою,
И предстанет снова:
Гудящий день, обветренный, веселый,
Большое солнце плещется у крова,
Июль цветистый
Осыпают пчелы.

И вот уже ты, в детство возвращенный,
В рубашке
Пересыпанной горошком,
Безоблачный,
Ветрами окрыленный,
Бежишь, как прежде,
По крутым дорожкам.

И в душный день склоняешься к кринице,
В прохладе,
В глубине — твоё обличье,
А мир звенит,
И пролетают птицы,
И жизнь твоё бескрайняя
Как птичья.

Ты ветру брат,
Ты травам лучший родич,
Дороги все к твоим ногам упали,
О детства дух,
Ты и поныне бродишь
В моей крови
И рвешься к новым далям.

НА ЗАРЕ

На заре вылетает кобчик,
На заре все дороги желанны,
Только клен неизменно ропщет,
Что в ночи холодны туманы.

Рано с клена слетают листья,
Не люблю я клен в эту пору,—
Разостлались, как шкура лисья,
По зеленому косоугру.

А простор и чуток и светел
Солнце знойное обещает,
Бандуристом колосья ветер,
Будто струны, перебирает.

ВОРСКЛА

*В*етер камышинками вызванивает.
Коршун крыльями добычу бьет.
Ворскла — вор скла... Говорят, название
Дал когда-то ей Великий Петр.

После боя парусники черные
Проплывали, осыпая гарь,
На леса смотрел в трубу подзорную
В острой треуголке государь.

В речку из трубы подзорной стеклышко
Выпало и кануло на дно.
Спohватился Петр: — Беда, головушка...
А на дне и мутно и темно.

Но осталось с той поры предание:
Речка Ворскла потому светла,
Что взяла она свое сияние
От того петровского стекла.

* * *

В ноги к нам волны. Давай постоим!
Вечер идет, и туман, как дым...

Травы в дыму и в дыму река —
Трубка дымится ли рыбака?

Но ветер пахнул, и туман исчез;
Ближе к реке подступился лес,

Отсвет луны, как легкий мороз,
На тысячи верст собрание звезд.

Как же я жил, что не ведал красоты
Робких плечей и наивной косы?

Профиль твой тоньше и взгляд твой родней
В шорохе леса, в игранье теней.

Заново мир, первозданный, большой,
Первою встречей возник предо мной.

В сумраке запах пролили цветы,
Как продолженье твоей красоты.

* * *

Протирает девушка
Пыльное окно.
Ветер чистит облаком
Голубое дно.

Хоть весна в пути еще,
Но совсем тепло.
Под ладонью техкает
Соловьем стекло.

* * *

Сыну Владимиру

Полузакрыв глаза, полуденной порою
Раскинул руки мальчуган в траве...
Глядит он в синеву, и мнится: в синеве
Все звездочки сошлись и занялись игрою.

Они плывут в глазах, мигают и горят,
И мальчугану кажется: он с ними
Уже плывет в мирах, и нет пути назад
От сказочных высот с кругами золотыми...

А где-то на земле и рощи и луга,
И ласточки снуют, и важно бродят цапли,
И на траве стада, и за рекой стога,
И пчелы на цветах, как солнечные капли.

О сладостная явь мечтаний молодых!
Как высока она и как она беспечна.
Наивный Фауст!
Вот он, этот миг...
Лежит малыш в траве. Земля и небо. Вечность.

В ГОРКАХ

По аллее ходит садовод,
Постоит в раздумье у беседки,
Ножницами кустик подстрижет,
Перевяжет сломанные ветки.

Здесь подарки сел и городов:
Кедр уральский, волжские рябины,
Вишенка — прославленных садов,
Память от мальчишек с Украины.

С веточек пахучий белый пыл
Осыпает ветерок чуть слышный.
Говорят, особенно любил,
Уважал Ильич цветы и вишни.

А в июле дерево в плодах,
И мальчишкам грезится порою,
Что приходит сам Ильич сюда
Отдохнуть росистою зарею.

Подойдет он под зеленый свод,
Осторожно веточку наклонит,
Вспомнит детство и, как встарь, нарвет
Спелых вишен полные ладони.

Снова в кабинет он заспешит,
Быстрыми шагами парк измеря.
Птичий щебет на заре звенит,
О любви к нему шумят деревья.

КЛИНОК

Мелькнул в окошке луч рассветный,
Полы и двери озарил,
И на стене клинок заветный
Его сверканье повторил.

Клинок! Бессмертная награда!
Но в дом хозяин не придет,
Там, на кургане, возле сада
Чебрец задумчиво цветет.

Уже не ждет жена-солдатка,
Уже с другим обручена,
Но на лице печали складка
И в русых косах седина.

Но снова радость торжествует,
И снова молодость поет,
Она зарей его целует
И провожает до ворот.

И он идет, высок и строен,
Где терриконники дымят
И тополя шмелиным роем
Под ветром весело гудят.

В октябрьский день забойщик мелом
Клинок начистит боевой,
Чтоб не тускнел, чтоб не ржавел он,
И, как она, вздохнет порой.

* * *

Мы знали войны. Сколько раз шинели
Нам примеряли в складе вешевом,
Мы ветры все запомнили, что пели
О смерти нам под Ржевом и Орлом.

И длинный список воинов погибших,
Как летопись, мы в памяти храним.
— Где ты, сержант?

Вставай, Василий Гришин,

Опять весна.

Давай поговорим.

Давай припомним светлых дней начало:
Сосновый бор
И пионерский сбор,
Но видится теплушка у вокзала...
Фашистский снайпер
Выстрелил в упор...

Ты падаешь скользя на снег кровавый.
Шумит метель, ушанку теребя...
А в этот день в селе под Балаклавой
Родился сын, похожий на тебя.

всего земного шара,
Который был гвардейцами спасен.

* * *

Сорок третий год...
С пути-дороги
Раненый зашел в село солдат.
— Призвище? —
спросили.
— Дмитрий Волгин.
— Ну, а мисто?
— Город Ленинград.

Раны пареньку перевязали,
Напоили свежю водой,
Хлеба дали,
В хате оставляли:
— Заночуй, товарищ фронтовой.

У солдата путь один — к солдатам:
Впереди не кончены бои.
Глянул он,
от пыли седоватый:
— Чем вам отплачу, друзья мои?

Видит:
девочка в пальтишке ветхом

Ямку роет, выбилась из сил.
Осторожно взялся он за ветки —
Яблоню на память посадил.

И пошел, пошел на гул орудий
Парень из далекой стороны.
— Будь здоров! —

ему кричали люди.
— Возвращайся поскорей с войны.

...Бродит осень,
кружится по долам.

Налилась антоновка в саду.
По Днепру уходит от Подола
Песня про солдатскую звезду.

А солдат не едет и не пишет,
И сказал колхозный садовод:
— Отшукай его, товарищ, виршем.
Если жив,— солдата вирш найдет.

Обращаюсь с просьбой к адресатам:
— Дмитрий Волгин жив?
Домой пришел?

Украина русского солдата
Приглашает за широкий стол!

ПО НАСЛЕДСТВУ

Пахнет рыбой,
Смоляным канатом.
Солнце сушит сети у причала.
Вал зюйд-вестом взвихрен и раскатан,
В берег бьет
И моет ребра скалам.

Птичий гомон над тропинкой горной,
Где обрыв порос быльем-травой.
На тропинке,
Солнцем опаленный,
Старый боцман с белой бородою.

Тридцать лет его в морях качало.
Сколько он запомнил пароходов,
Сколько звезд его в морях встречало,
Сколько бурь прошло под небосводом!

Сыновьям он говорил о море,
Чтоб его в наследство им оставить,
...Над бугшпритом занимались зори,
Выпускало утро чаек стаи.

И качало над пустынной зыбью.
И прощался с ними он в ту пору.
Ловит старый бодман нынче рыбу.
И завидует сынам и морю.

ЛЕТО

Так начиналось лето:
шла гроза,
Земля в дождях
звенела и кипела.
И солнце звали птичьи голоса
Под окнами у райсельхозотдела,
И мир промытый синевой расцвел,
Начистил день до блеска крыши сел.
И солнце,
светом захлестнув причал,
Где осами жужжали пилы,
Каленым зноем било по плечам,
Строителей работу торопило.
Сосновый мост
и ширился, и рос,
Когда же мы поставили перила,
Казалось нам,
что солнце через мост
Пошло
и каждый гвоздь позолотило.
А за рекою колос налитой,
Настоянный дождями и ветрами,

Шумел,
качался
рыжею волной,
На весь простор звенел перепелами.
И пахли первой свежестью поля,
И мост гудел
с рассвета до рассвета.
Дорогами машины шли
пыля,
Скирды вставали —
памятники лету.

НЕПОКОРНЫЙ

Непокорный, не хочет в дрожки —
Аж грызет железо удила...
Жеребенком его из ложки
Наш старейший конюх поил.

Родился он невзрачным, вялым,
Тридцать суток в углу лежал.
Конюх кутал его в одеяло,
Сам не спал: все о нем вздыхал.

Конь глядит, шевелит ушами
В белых крапинках, как в снегу.
Полыхает пред ним цветами
Солнце радужное на лугу.

Раз! —

И вспрыгнул ездок колхозный
На гривастого скакуна.
Конь всхрапнул, покосился грозно
На блестящие стремяна.

Два!

Мелькнули огнем подковы,
Не подковы — кованый гром.

Конь высокий — тополю вровень.
Гулом полнится ипподром.

Рукоплещут, гудят трибуны.
Вот он виден едва-едва.
Быстрый, яростный, темно-бурый,
В гриве — вихрь, в глазах — синева.

ОТШУМЕЛИ ПОЛЯ И РОЩИ

1

У же ноябрь. И даль темна, мертва,
Ползет туман, дожди, земля промокла,
Лишь солнечными бликами на окнах
Чуть светится прилипшая листва.

А ты полы натер — горят полы, как солнце,
Вот-вот, гляди, и выплеснет оно, —
Домашнее, свое, почти смеется,
Полам сейчас завидует окно.

2

Полны амбары до краев зерном.
На поле — только прыгающий ветер.
Ликующие флаги над селом,
Гремит оркестр районный в сельсовете.

Седые хлебобобы говорят
О Родине, о силе урожая,
И на костюмах ордена горят,
Полуденное солнце

отражая.

А где-то в поле
разгулялся гром,
Вот дождь пошел,
бегут ручьи, струятся.
Уходит лето с ласковым теплом,
И жалко с ним,
сроднившись,
расставаться.

Склонилось солнце
к трудовой земле,
И радуга,
как лента,
запылала, —
Одним концом
была она в Кремле,
Другим концом —
она в селе стояла.

3

Уже отшумели поля и роши,
Значит, осень — гляди и грусти.
Где ты, июль? Ничего нет проще,
Чем по ветру душу свою пустить.

А я люблю: и дожди крутые,
Такие, чтоб ливнем прямо в лицо,
И солнце скупое, и тучи рудые,
И дальний закат — присмирившей лисой.

Над лесом, над рощей, над лугом, над речкой
Пусть осень натешится силой своей.
И в инее первом, как в звездной насечке,
Отправит в иамете декабрьских коней.

Пусть гиком и свистом себя изматает,
Пусть дни стали меньше, и ночи длинны..
Торжественный дым над домами летает,
И бабы пекут золотые блины...

4

Плывут туманы от реки..
Рассвет стекает с веток.
Летящих птиц полувенки
Спешат туда, где лето.

Цыганкой осень по траве
Наряды расстилат,
И, как на картах, на листве
Она весь день гадает.

Что птиц заледенит туман,
Что солнце в нем пропало.
Но сквозь туман, как сквозь обман,
Вновь солнце засияло.

5

Облетели листья. Значит, что-то
Отлетело, умерло и в нас?
Только мы не листья с позолотой,
На сто зим огня у нас запас.

И пускай в дожде стекло оконье,
И ушли под радугу грома.
Вот и снег. По ветвям снега комья
Разбросала гнездами зима.

Вылетит из них на волю вьюга
Звонким и назойливым птенцом.
Он засвищет скоро по округам,
И пахнет нам яростью в лицо.

Прикрепляйте колокольцы к дугам.
Санной путь. Из труб летят дымы.
Хорошо, что есть и снег и вьюга:
После зноя хочется зимы.

6

Эх бы в сани,
Всех бы в сани,
В проседь ветра,
В посвист вьюг,
Что собрали за день сами,
Взгромоздили снега вьюк.
И торопят:
«Ну-ка, с нами
Погуляй-ка, чернобров!»
И нырнули лебедями
Сани в бестолочь снегов...
Кони в инее-попоне,
Глаз кося, ушли в намет.
Вечер поздний.
Кони, кони,
Перестук копыт о лед.
И о новом годе песни,
Бубенцов веселый гам
Покатались по предместью,
По разметанным снегам.
Месяц встал на небосклоне
Над опушкою лесной.
Кони, кони,

Ну и кони!
Ну и ветер гулевой!
Миг — и до Москвы немного.
Миг — и словно в небе я.
И дорога — не дорога,
И поля — и не поля...

Только кони, сани, пенье,
Только жар от рук и шек.
Показалось на мгновенье,
Месяц сел на облучок.

